

$$U \frac{140}{12}$$

2140
12.

256.6.

269.

ПОМЪШАТЕЛЬНОСТЬ,

ОПИСАННОЕ

ТАКЪ, КАКЪ ОНО ЯВЛЯЕТСЯ,
ВРАЧУ, ВЪ ПРАКТИКЪ.

СОЧ. П. МАЛИНОВСКАГО.

18 — 56
1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Карла Крайя.

1847.

ф. 31-6/116

Извлечено изъ Военно-Медицинскаго Журнала, въ которомъ
печаталось отдѣльными статьями.

2007056817

Если стараются улучшать участь лѣнивыхъ бродягъ, участь людей изгнанныхъ изъ общества, участь распутныхъ женщинъ и, наконецъ, участь преступниковъ, то святой долгъ каждого изъ насъ по возможности улучшать судьбу такихъ людей, въ числѣ которыхъ многіе были: честны, умны, трудолюбивы, полезны, добры, отличались талантами, семейными добродѣтелями, любовью къ ближнему,—и въ числѣ этихъ людей было много такихъ, въ которыхъ ярко блистали искры дара Божьяго—душевные способности; кипѣли и горѣли страсти возвышенныя; создавались планы могучіе и обширные; хранились чувства любви къ святому и высокому,—и большая часть этихъ людей терпѣла лишения, и скорби, и горе, просила состраданія у своихъ собратьевъ—богатыхъ невѣждъ и холодныхъ эгоистовъ,—и была грубо, безсострадательно отталкиваема,—и эти люди, эти несчастные, которые по своей душѣ и талантамъ могли бы быть украшеніемъ общества, были оскорбляемы, презираемы, гонимы, плакали кровавыми слезами,—и всё работали для своей идеи, для семейнаго счастія, для пользы общей, и всё не измѣняли ничему святому и высокому.... Но тѣлесный составъ ихъ былъ потрясенъ въ своемъ основаніи.... но страшныя нравственныя пытки изнурили его.... тѣлесный составъ не вынесъ,—и эти святые люди сдѣлались жертвами жестокости, глупости, невѣжества и эгоизма своихъ собратій,—и эти святые люди пали подъ несчастіемъ, величайшимъ изъ несчастій человѣческихъ.... они пали подъ несчастіемъ, которое тянется годы, десятки лѣтъ; разрушаетъ физическое

★

и моральное бытіе чловѣка и заживо кладетъ его въ мрачную могилу.... эти люди стали помѣшанными!

Всякій врачъ, которому будутъ ввѣрены такіе несчастные, можетъ улучшить ихъ положеніе, ихъ бытъ, ихъ участь, но для этого надобно знать, какъ и чѣмъ улучшить, а для того, чтобъ знать это, надобно по возможности изучить помѣшательство и помѣшанныхъ.

Около шести лѣтъ я занимался преимущественно изученіемъ этой болѣзни, служилъ при Московскомъ домѣ помѣшанныхъ (Преображенская больница), прослѣдилъ прекрасное С. Петербургское заведеніе, устроенное для такихъ же несчастныхъ (Больница Всѣхъ Скорбящихъ); видѣлъ дома для помѣшанныхъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, наконецъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи, отдѣленіе для больныхъ такого рода (въ С. Петербургѣ, при Обуховской Больницѣ). Это отдѣленіе при мнѣ начиналось, передъ моими глазами устроивалось и открывалось; я старался слѣдить за болѣзненными явленіями, бывалъ у больныхъ во всякое время дня и ночи, проводилъ въ ихъ сообществѣ по нѣскольку часовъ, почти жилъ съ ними, — и здѣсь, какъ умѣю, описалъ то, что видѣлъ, безъ прибавленій, безъ гипотезъ. Это снимокъ съ природы, собраніе фактовъ, матеріалы для разработки.

ПОМЪЩАТЕЛЬСТВО.

I.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Болѣзнь, въ которой люди, по видимому тѣлесно-здоровые, воображаютъ, мыслятъ и желаютъ превратно, противоестественно, — въ которой они говорятъ странно и нелѣпо, дѣйствуютъ безразсудно и безцѣльно, — такую болѣзнь безъ различія называютъ: *ума-лишеніемъ*, *безъуміемъ*, *сѣ-ума-сшествіемъ*, а больныхъ: *ума-лишенными*, *безъумными*, *сѣ-ума-сшедшими*; но каждое изъ этихъ названій не точно, не полно, даже несправедливо, вотъ почему:

а) Всѣ эти названія указываютъ на количественныя или качественныя измѣненія одного только ума, тогда какъ въ этой болѣзни измѣняются и другія способности: воля, воображеніе, память и пр.

б) Названія: *ума-лишеніе*, *безуміе*, не точны и несправедливы потому, что *maniaci et monomaniaci*, составляющіе большую часть больныхъ (о которыхъ здѣсь говорю я) не

лишились ума, не безъ ума: они имѣютъ умъ, и не рѣдко острый,—но умъ ихъ дѣйствуетъ неправильно (*).

с) Названіе — сумасшествіе, кромѣ того, что указываетъ на измѣненіе одного только ума, не полно; оно не можетъ включатьъ въ себѣ людей глупыхъ отъ рожденія и идіотовъ, которые не могли сходить съ ума.

Изъ всѣхъ названій, употребляемыхъ для обозначенія этой болѣзни, названіе *помъшательство* (**) есть самое общее, полное и опредѣлительное, потому что этимъ словомъ, не впадая въ односторонность, можно выразить количественныя и качественныя измѣненія: одной, нѣсколькихъ или и всѣхъ способностей, независимо отъ того, будутъ ли эти измѣненія врожденныя или случайныя. Слѣдовательно, чтобъ избѣжать неопредѣлительности въ словахъ, разъ на всегда, надобно усвоить для болѣзни названіе — *помъшательство*, а для больныхъ — *помъшанные*.

Помъшательство есть нервная болѣзнь, въ которой отправление мозга (прямо или сочувственно) измѣняется такъ, что при кажущемся тѣлесномъ здоровьи, душевныя способности, долгое время, проявляются неправильно.

(*) Встрѣчаются и такіе рѣдкіе случаи, гдѣ при измѣненіи воли и воображенія, умъ по видимому сохраняетъ всю свою здравость (*la folie raisonnante*).

(**) Не говорю *помъшательство ума*, потому что такое названіе было бы опять одностороннимъ, указывая на измѣненіе одного ума.

II.

РАЗДѢЛЕНІЕ НА ВИДЫ.

Въ практическомъ отношеніи помѣшательство обрисовывается четырьмя отличительными видами, которые, кромѣ того, что имѣютъ свои особенные признаки, требуютъ и различнаго леченія.

Въ первомъ видѣ проявленіе душевныхъ способностей количественно или качественно измѣнено — въ отношеніи къ нѣсколькимъ, къ немногимъ и даже къ одному предмету или обстоятельству (Monomania. Ограниченное помѣшательство).

Во второмъ проявленіе душевныхъ способностей количественно и качественно измѣнено — въ отношеніи ко всему понимаемому и существующему (Mania. Общее помѣшательство).

Въ обоихъ этихъ видахъ душевныя способности сохраняютъ свою энергію.

Въ третьемъ видѣ проявленіе душевныхъ способностей ослаблено, энергія ихъ уничтожена (Dementia. Глупость).

Въ четвертомъ проявленіе душевныхъ способностей не существуетъ (Idiotia s. idiotismus. Безсмысліе).

Прежде нежели буду описывать виды помѣшательства, я долженъ сказать, что они не всегда постоянны. Помѣшательство ограниченное иногда переходитъ въ помѣшательство общее, рѣже случается на оборотъ; — какъ ограниченное такъ и общее помѣшательство нерѣдко переходятъ въ глупость.

ОГРАНИЧЕННОЕ ПОМЪШАТЕЛЬСТВО. MONOMANIA (*)

Люди, страдающіе этимъ видомъ помъшательства, тогда только превратно воображаютъ, безразсудно говорятъ, желаютъ и дѣйствуютъ, когда коснутся тѣхъ предметовъ или обстоятельствъ, на которыхъ они помъшаны; въ отношеніи же ко всему остальному, слова и поступки этихъ больныхъ нерѣдко бываютъ разсудительны и нестранны до такой степени, что они могутъ быть терпимы въ обществѣ — и иногда, въ продолженіи цѣлыхъ годовъ, болѣзнь ихъ ускользаетъ отъ глазъ людей, незнакомыхъ съ психіатріей.

Вообще эти больные, если только они захотятъ, очень способны заниматься умственно и физически. Они могутъ прекрасно рисовать, писать, считать, заниматься музыкой, ручными работами, рукодѣліями и проч. Все пойдетъ хорошо до тѣхъ поръ, пока не коснутся обстоятельствъ, на которыхъ они помъшаны.

Число предметовъ и обстоятельствъ, о которыхъ бредятъ (**) больные въ этомъ видѣ помъшательства, бываетъ иногда значительно, иногда не болѣе какъ два, три предмета, иногда (рѣдко) только одинъ предметъ.

Предметы ограниченного помъшательства иногда смѣняются одни другими; больной нѣсколько времени бредитъ объ нихъ, потомъ какъ будто забываетъ и начинаетъ бредить

(*) Нѣкоторые авторы, описывая случаи ограниченного помъшательства, называютъ болѣзнь (Hypochondria, melancholia, tristimania).

(**) Этимъ словомъ я выражаю здѣсь и буду выражать, не горячечный бредъ, а нелѣпыя слова и планы, не ведущіе къ разумной цѣли.

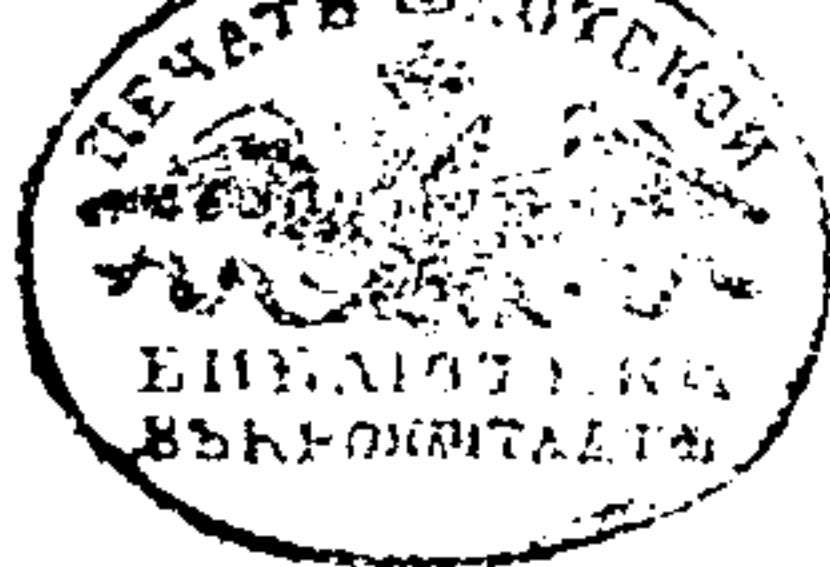
о другихъ новыхъ, часто не имѣющихъ никакого соотношенія съ прежними.

Въ ограниченномъ помѣшательствѣ какъ бы ни былъ смѣшонъ и ничтоженъ предметъ, о которомъ больной бредитъ, но этотъ предметъ поглощаетъ все его вниманіе, къ этому предмету съ напряженіемъ устремлены всѣ его способности.

Предметы ограниченного помѣшательства больныхъ бываютъ, большею частію, мрачны, безотрадны; сами же больные молчаливы, угрюмы, задумчивы, упрямы, недовѣрчивы, подозрительны, недоступны никакимъ убѣжденіямъ противорѣчащимъ ихъ бреду, раздражительны, часто озлоблены на людей, любятъ уединеніе, недовольны своимъ положеніемъ, равнодушны къ жизни. Цвѣтъ лица ихъ блѣдный, желтоватый; физіономія, смотря по идеѣ владѣющей больнымъ, бываетъ иногда: ѣдко-насмѣшливая, иногда озлобленная, надменная, иногда печальная, боязливая, у однихъ выражаетъ отчаяніе, у другихъ скорбь, у третьихъ апатію; вообще выраженіе лица постоянно одинаковое, рѣдко измѣняющееся; взглядъ продолжительный, по большей части, сильный и пронизательный, иногда робкій; дыханіе у многихъ воющее (особеннаго, помѣшаннымъ свойственнаго запаха); кожа сухая; испарина недостаточная; неправильный вкусъ и аппетитъ; нерѣдко худоба тѣла; упорные запоры; завалы брюшныхъ внутренностей; грудныя болѣзни; склонность къ худосочию; зябкость чаще, нежели чувство жара; сонъ часто безпокойный и неправильный; больныхъ тревожатъ мнимо-ощущенія (*hallucinationes*) и ложно-ощущенія (*illusiones*).

Сказанные мною признаки и припадки болѣе или менѣе общи всѣмъ больнымъ, страдающимъ ограниченнымъ помѣ-

шательствомъ мрачнымъ, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ: тоска, отчаяніе, ненависть къ жизни и апатія ко всему существующему доходитъ до высшей степени. Эти люди дѣлаются несчастными мучениками и иногда жертвами своего бреда. Одинъ изъ нихъ воображаетъ себя проклятымъ, осужденнымъ на вѣчныя муки въ будущей жизни; другой преступникомъ изгнаннымъ изъ общества, опозореннымъ, обезславленнымъ, думаетъ что его вездѣ преслѣдуютъ, хотятъ посадить въ тюрьму, казнить; третій увѣренъ, что онъ составляетъ несчастіе своего семейства и ближнихъ, что ѣстъ чужой хлѣбъ, что онъ одержимъ дьяволомъ, что въ немъ сидятъ гады, что онъ испорченъ, превращенъ въ звѣря; четвертый доказываетъ, что его смерть необходима для его враговъ, что онъ этимъ спасетъ многихъ отъ несчастій и бѣдствій, что онъ долженъ быть очистительной жертвой и пр. Такіе больные не знаютъ покоя ни днемъ, ни ночью, терзаются своими черными, мрачными мыслями, иногда рвутъ на себѣ волосы, плачутъ, мучатся бессонницею, или только что заснуть — и сонъ прерывается страшными видѣніями, и они, дрожа всѣмъ тѣломъ, просыпаются въ ужасѣ. Многіе изъ нихъ отказываются отъ пищи; а нѣкоторые, вслѣдствіе своихъ нелѣпыхъ идей и убѣжденій, способны на величайшія злодѣянія — и эти злодѣянія они совершаютъ хладнокровно, какъ обязанность. Больныхъ, къ такимъ злодѣяніямъ, чаще всего ведетъ бредъ фанатизма. Между ограниченно-помѣшанными больными нерѣдко встрѣчаются несчастные, которые ненавидятъ свою жизнь, и изыскиваютъ разныя средства къ прекращенію своего тягостнаго существованія; ихъ отвращеніе къ жизни неодолимо.

Наблюденіе 1. Случай мрачнаго ограниченнаго помѣшательства.

Штабъ-Лекарь И. М. Л**, добрый, усердный, любимый всѣми сослуживцами былъ огорченъ тѣмъ, что на службѣ не получилъ поощренія, котораго, онъ считалъ себя достойнымъ. Вслѣдъ затѣмъ г. Л** сталъ задумываться, убѣгать сообщества другихъ, запирается одинъ въ комнатѣ, подалъ рапортъ что онъ нездоровъ, не можетъ исполнять своей должности, и, какъ больной, былъ помѣщенъ въ Новгородъ (кажется въ госпиталь), а оттуда въ Маѣ 1846 привезенъ въ С. Петербургъ. Первое время по прибытіи г. Л**, лице его было нечисто—блѣдное, съ выраженіемъ печали и совершенной апатіи ко всему окружающему; глаза показывали томленіе души; улыбка полу-печальная, полу-насмѣшливая; голова постоянно склонена внизъ; движенія медленны; частые тяжкіе вздохи; дыханіе съ непріятнымъ запахомъ; на лицѣ едва замѣтные признаки обрюзглости (*facies oedematosa*); десны рыхлы; на ногахъ у мышелковъ небольшой отекъ. Несчастной больной вообразилъ, будто причиною его неудачи по службѣ была кроющаяся въ немъ заразительная болѣзнь (*syphilis*), что онъ какъ человѣкъ вредный не долженъ ни съ кѣмъ имѣть никакихъ сношеній, чтобъ не заражать другихъ своимъ сообществомъ—и вслѣдствіе этого онъ, всегда печальный, старался уйти въ самый темный уголъ корридора или въ особую комнату, прятался за двери, садился на корточки и пряталъ въ колѣни лице свое; разговаривалъ мало, неохотно, но если начиналъ говорить не о предметѣ своего бреда, то слова его выказывали умъ глубокой, самостоятельный; его выводы были ясны, убѣдитель-

ны. Если я упрашивалъ г. Л**, то онъ иногда садился играть со мною въ шахматъ, игралъ мастерски, съ большимъ соображеніемъ и часто указывалъ мнѣ мои ошибки прежде, нежели я ихъ сдѣлаю. Доказательства и убѣжденія, которыми хотѣли уничтожить бредъ г. Л**, не были ему доступны; напрасно убѣждалъ его почтенный Священникъ больницы и всѣ, принимавшіе участіе въ положеніи этого нравственнаго страдальца, — Л** всѣмъ показывалъ возвышенія на своемъ черепѣ (которыя находятся у каждаго изъ насъ) и говорилъ: «вотъ доказательства, что я зараженъ, что я нечистъ, вотъ сифилитическія шишки, вотъ рога мои». Больной не хотѣлъ принимать никакого лекарства и не смотря на то, что приспособленною пищею скорбуть былъ уничтоженъ, г. Л** былъ вообще слабъ, старался ѣсть какъ можно меньше и рѣже, дышалъ несвободно, спалъ мало и безпокойно, его тревожили мнимо-ощущенія и ложно-ощущенія: въ движеніи маятника стѣнныхъ часовъ, въ шумѣ падающихъ капель воды г. Л** слышалъ слова, которыя говорили ему, что онъ проклятъ, что его надобно похоронить, что онъ нечистъ; когда благовѣстили или звонили къ обѣднѣ, Л** прислушивался, и, на вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, отвѣчалъ, что въ звонѣ колоколовъ онъ слышитъ слова, которыя говорятъ: что Л** отлученъ отъ церкви, что онъ недостойнъ причастія, что онъ съ рогами; если я старался доказать ему какъ нелѣпо то, что онъ иллюзіи собственнаго слуха принимаетъ за дѣйствительныя слова, то больной отвѣчалъ мнѣ: «въ мірѣ есть много тайнъ невѣдомыхъ людямъ обыкновеннымъ, но тѣ люди, которые постигли эти тайны, знаютъ: что всякая матерія, всякій атомъ можетъ одушевляться и издавать звуки, которые имѣютъ

свой смыслъ, свой языкъ, доступный немногимъ; я понимаю смыслъ этихъ звуковъ и вѣрю имъ, а вамъ это кажется галматьею.» Если я просилъ его принимать лекарство, то онъ не разъ говаривалъ мнѣ: «оставьте меня, я не стою, чтобъ обо мнѣ заботились, я человѣкъ отверженный; лечить меня уже поздно; нѣтъ средствъ человѣческихъ, которыя бы могли изцѣлить меня; я не долженъ жить». Однажды г. Л** сказалъ, что ему во снѣ запретили ѣсть, и, въ самомъ дѣлѣ, съ этого дня онъ пересталъ ѣсть—и, несмотря ни на-какія убѣжденія, непринималъ пищи. Прошло трое сутокъ. Сонъ больного сдѣлался еще тревожнѣе, несчастный часто выпускалъ тяжелые, тоскливые вздохи, лежалъ скорчившись или сидѣлъ, печально опустивъ голову. Опять явился скорбутъ, ноги опухли. Я велѣлъ кормить несчастнаго насильно. Если ему разжимали ротъ и вливали пищу, то г. Л**, набравъ воздуха, выдувалъ ее воцъ. Видя въ этомъ неудачу, я, или вставлялъ въ ноздри длинную эластическую трубку и черезъ нее *per orificia postica parium* вливали пищу, или же, приказывалъ дѣлать ему холодный душъ, послѣ котораго больной переставалъ упрямиться и ѣлъ. При разговорѣ г. Л** еще болѣе чѣмъ прежде утверждалъ: что онъ вредный членъ общества, что зараза имъ сообщенная сдѣлала уже тысячи людей несчастными, что каждый день его жизни сопряженъ со вредомъ для другихъ. Искусственное кормленіе продолжалось съ полгода, мнѣ хотѣлось хоть насильно поддержать жизнь несчастнаго; часто говаривалъ мнѣ г. Л** : «Зачѣмъ вы мѣшаете мнѣ умереть? я не долженъ жить; меня слѣдовало бы сжечь, или живаго закопать въ землю». Вскорѣ исполнилось желаніе страдальца, — грудная водянка кончила дни его.

Чрезвычайно рѣдко, но бываютъ и такіе случаи ограниченаго помѣшательства, гдѣ человѣкъ, сохраняя здравость ума не можетъ управлять своими порывами (и какъ въ водобоязни) становится похожимъ болѣе на звѣря, нежели на человѣка. Эти больные очень опасны. Приступы неистовства и ярости у нихъ являются иногда въ неопредѣленное время. Вспышка начинается чувствомъ жгучаго жара въ кишкахъ и внутренностяхъ, неутолимою жаждою и запоромъ; жгучее чувство поднимается до груди, шеи и головы, эти части багровѣютъ, лице краснѣетъ, глаза наливаются кровью, жаръ усиливается, артеріи сильно бьются, пульсъ твердый, частый, больному кажется, что онъ видитъ кровь, которая струится въ жилахъ людей его окружающихъ; ему хочется этой крови; онъ сохраняетъ рассудокъ, мучится совѣстью, но кровожадность дѣлается неодолимою, ему нужно убить кого нибудь, ему нужна кровь! Чувствуя приближеніе этихъ минутъ, больные сами умоляютъ окружающихъ, чтобъ ихъ заперли, связали, или чтобъ отъ нихъ спасались. По окончаніи приступа, они ужасно терзаются совѣстью, и эта внутренняя борьба оканчивается часто тѣмъ, что несчастные лишаютъ себя жизни. Тѣ же, изъ страдающихъ этою формою ограниченаго помѣшательства, которые не сохраняютъ разсудка во время своихъ кровожадныхъ порывовъ, опасны еще болѣе.

Наблюденіе 2. Случай ограниченаго помѣшательства съ порывами кровожадности.

Артемій Почуевъ, крестьянинъ (Новоладожскаго уѣзда, изъ деревни Лунгачи) трудолюбивый, зажиточный, умный,